

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskyyvladimir.ru/> приятного чтения!

Человек. Владимир Владимирович Маяковский

Священнослужителя мира, отпустителя всех грехов, – солнца ладонь на голове моей.

Благочестивейшей из монашествующих – ночи облачение на плечах моих.

Дней любви моей тысячелистое Евангелие целую.

Звенящей болью любовь замоля,

душой

иное шествие чающий,

слышу

твое, земля:

«Ныне отпускаеши!»

В ковчеге ночи,

новый Ной,

я жду –

в разливе риз

сейчас придут,

придут за мной

и узел рассекут земной

секирами зари.

Идет!

Пришла.

Раскуталась.

Лучи везде!

Скребут они.

Запели петли утло,

и тихо входят будни

с их шелухой сутолок.

Солнце снова.

Зовет огневых воевод.

Барабанит заря,

и туда,

за земную грязь вы!

Солнце!

Что ж,

своего

глашатая

так и забудешь разве?

РОЖДЕСТВО МАЯКОВСКОГО

Пусть, науськанные современниками, пишут глупые историки: «Скушной и неинтересной жизнью жил замечательный поэт».

Знаю,

не призовут мое имя

грешники,

задыхающиеся в аду.

Под аплодисменты попов

мой занавес не опустится на Голгофе.

Так вот и буду

в Летнем саду

пить мой утренний кофе.

В небе моего Вифлеема

никаких не горело знаков,

никто не мешал

могилами

спать кудроголовым волхвам.

Был абсолютно как все

– до тошноты одинаков –

день

моего сошествия к вам.

И никто

не догадался намекнуть

недалекой

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru

неделикатной звезде:
«Звезда – мол –
лень сиять напрасно вам!
Если не
человечьего рождения день,
то чёрта ль,
звезда,
тогда еще
праздновать?!»
Судите:
говорящую рыбёшку
выудим нитями невода
и поем,
поем золотую,
воспеваем рыбачью удаль.
Как же
себя мне не петь,
если весь я –
сплошная невидаль,
если каждое движение мое –
огромное,
необъяснимое чудо.
Две стороны обойдите.
В каждой
дивитесь пятилучию.
Называется «Руки».
Пара прекрасных рук!
Заметьте:
справа налево двигать могу
и слева направо.
Заметьте:
лучшую
шею выбрать могу
и обовьюсь вокруг.
Черепа шкатулку вскройте –
сверкнет
драгоценнейший ум.
Есть ли,
чего б не мог я?!
Хотите,
новое выдумать могу
животное?
Будет ходить
двуххвостое
или треногое.
Кто целовал меня –
скажет,
есть ли
слаще слюны моей со́ка.
Покоится в нем у меня
прекрасный
красный язык.
«О-го-го» могу –
зальется высоко, высоко.
«О-ГО-ГО» могу –
и – охоты поэта сокол –
голос
мягко сойдет на низы.
Всего не сочтешь!
Наконец,
чтоб в лето
зймы,
воду в вино превращать чтоб мог –
у меня
под шерстью жилета
бьется
необычайнейший комок.
Ударит вправо – направо свадьбы.

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru

Налево грохнет – дрожат миражи.
Кого еще мне
любить устлать бы?
Кто ляжет
пьяный,
ночами ряжен?
Прачечная.
Прачки.
Много и мокро.
Радоваться, что ли, на мыльные пузыри?
Смотрите,
исчезает стоногий окорок!
кто это?
Дочери неба и зари?
Булочная.
Булочник.
Булки выпек.
Что булочник?
Мукой измусоленный ноль.
И вдруг
у булок
загибаются грифы скрипок.
Он играет.
Всё в него влюблено.
Сапожная.
Сапожник.
Прохвост и нищий.
Надо
на сапоги
какие-то головки.
Взглянул –
и в арфы распускаются голенища.
Он в короне.
Он принц.
Веселый и ловкий.
Это я
сердце флагом поднял.
Небывалое чудо двадцатого века!
И отхлынули паломники от гроба господня.
Опустела правоверными древняя Мекка.
ЖИЗНЬ МАЯКОВСКОГО
Ревом встревожено логово банкиров, вельмож и дождей.
Вышли
латы,
золото тенькая.
«Если сердце всё,
то на что,
на что же
вас нагреб, дорогие деньги, я?
Как смеют петь,
кто право дал?
Кто дням велел июлиться?
Заприте небо в провода!
Скрутите землю в улицы!
Хвалился:
«Руки?!»
На ружье ж!
Ласкался днями летними?
Так будешь –
весь! –
колюч, как еж.
Язык оплуйте сплетнями!»
Загнанный в земной загон,
влеку дневное иго я.
А на мозгах
верхом
«Закон»,
на сердце цепь –

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

«Религия».
Полжизни прошло, теперь не вырвешься.
Тысячеглаз надсмотрщик, фонари, фонари, фонари...
Я в плену.
Нет мне выкупа!
Оковала земля окаянная.
Я бы всех в любви моей выкупал,
да в дома обнесен океан ее!
Кричу...
и чу!
ключи звучат!
Тюремщика гримаса.
Бросает
с острия луча
клочок гнилого мяса.
Под хохотливое
«Ага!»
брёду по брёду жара.
Гремит,
приковано к ногам,
ядро земного шара.
Замкнуло золото ключом
глаза.
Кому слепого весть?
Навек
теперь я
заключен
в бессмысленную повесть!
Долой высоких вымыслов бремя!
Бунт
муз обреченного данника.
Верящие в павлинов
– выдумка Брэма! –
верящие в розы
– измышление досужих ботаников! –
мое
безупречное описание земли
передайте из рода в род.
Рвась из меридианов,
атласа арок,
пенится,
звенит золотоворот
франков,
долларов,
рублей,
крон,
иен,
марок.
Тонут гении, курицы, лошади, скрипки.
Тонут слоны.
Мелочи тонут.
В горлах,
в ноздрях,
в ушах звон его липкий:
«Спасите!»
Места нет недоступного стону.
А посредине,
обведенный невозмутимой каймой,
целый остров расцветоченного ковра.
Здесь
живет
Повелитель Всего –
соперник мой,
мой неодолимый враг.
Нежнейшие горошинки на тонких чулках его.
Штанов франтовских восхитительны полосы.
Галстук,
выпестренный ахово,

с шеищи
по глобусу пуза расползся.
Гибнут кругом.
Но, как в небо бурав,
в честь
твоего – сиятельный – сана:
Бр-р-а-во!
Эвива!
Банзай!
Ура!
Гох!
Гип-гип!
Вив!
Осанна!
Пророков могущество в громах винят.
Глупые!
Он это
читает Локка!
Нравится.
От смеха
на брюхе
звенят,
молнятся целые цепи брелоков.
Онемелые
стоим
перед делом эллина.
Думаем:
«Кто бы,
где бы,
когда бы?»
А это
им
покойному Фидию велено:
«Хочу,
чтоб из мрамора
пышные бабы».
Четыре часа –
прекрасный повод:
«Рабы,
хочу отобедать заново!»
И бог
– его проворный повар –
из глин
сочиняет мясо фазаново.
Вытянется,
самку в любви олелеяв.
«Хочешь
бесценнейшую из звездного скопа?»
И вот
для него
легион Галилеев
елозит по звездам в глаза телескопов.
Встряывают революции царств тельца,
меняет погонщиков человечесий табун,
но тебя,
некоронованного сердец владельца,
ни один не трогает бунт!
СТРАСТИ МАЯКОВСКОГО
Слышите?
Слышите лошажье ржанье?
Слышите?
Слышите вопли автомобилььи?
Это идут,
идут горожане
выкупаться в Его обилии.
Разлив людей,
Затерся в люд,
расстроенный и хлюпкий.

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Хватаюсь за уздцы.

Ловлю

за фалды и за юбки.

Что это?

Ты?

Туда же ведома?!

В святошестве изолгалась!

Как красный фонарь у публичного дома,

кровав

налившийся глаз.

Зачем тебе?

Остановись!

Я знаю радость слаже!

Надменно лес ресниц навис.

Остановись!

Ушла уже...

Там, возносясь над головами, Он.

Череп блестит,

хоть надень его на ноги,

безволосый,

весь рассылся в лоске,

Только

у пальца безымянного

на последней фаланге

три

из-под бриллианта –

выщетинились волосики.

Вижу – подошла.

Склонилась руке.

Губы волосикам,

шепчут над ними они,

«Флейточкой» называют один,

«Облачком» – другой,

третий – сияньем неведомым

какого-то,

только что

мною творимого имени.

ВОЗНЕСЕНИЕ МАЯКОВСКОГО

Я сам поэт. Детей учите: «Солнце встает над ковылями». С любовного ложа из-за
Его волосиков любимой голова.

Глазами взвила ввысь стрелу.

Улыбку убери твою!

А сердце рвется к выстрелу,

а горло бредит бритвою.

В бессвязный бред о демоне

растет моя тоска.

Идет за мной,

к воде манит,

ведет на крыши скат.

Снега кругом.

Снегов налет.

Завьются и замрут.

И падает

– опять! –

на лед

замерзший изумруд.

Дрожит душа.

Меж льдов она,

и ей из льдов не выйти!

Вот так и буду,

заколдованный,

набережной Невы идти.

Шагну –

и снова в месте том.

Рванусь –

и снова зря.

Воздвигся перед носом дом.

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Разверзлась за оконным льдом
пузатая заря.
Туда!
Мяукал кот.
Коптел, горя,
ночник.
Звонюсь в звонок.
Аптекаря!
Аптекаря!
Повис на палки ног.
Выросли,
спутались мысли,
оленьи
рога.
Плачем марая
пол,
распластался в моленьи
о моем потерянном рае.
Аптекарь!
Аптекарь!
Где
до конца
сердце тоску изноет?
У неба ль бескрайнего в нивах,
в бреде ль Сахар,
у пустынь в помешанном зное
есть приют для ревнивых?
За стенками склянок столько тайн.
Ты знаешь высшие справедливости.
Аптекарь,
дай
душу
без боли
в просторы вынести.
Протягивает.
Череп.
«Яд».
Скрестилась кость на кость.
Кому даешь?
Бессмертен я,
твой небывалый гость.
Глаза слепые,
голос нем,
и разум запер дверь за ним,
так что ж
– еще! –
нашел во мне,
чтоб ядом быть растерзанным?
Мутная догадка по глупому пробрела.
В окнах зеваки.
Дыбятся волоса.
И вдруг я
плавно оплываю прилавок.
Потолок отверзается сам.
Визги.
Шум.
«Над домом висит!»
Над домом вишу.
Церковь в закате.
Крест огарком.
Мимо!
Лёса верхи.
Вороньём окаркан.
Мимо!
Студенты!
Вздор
все, что знаем и учим!
Физика, химия и астрономия – чушь.

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Вот захотел
и по тучам
лечу ж.
Всюду теперь!
Можно везде мне.
Взбурься, баллад поэтовых тина.
Пойте теперь
о новом – пойте – Демоне
в американском пиджаке
и блеске желтых ботинок.
МАЯКОВСКИЙ В НЕБЕ
Стоп!
Скидываю на тучу
вещей
и тела усталого
кладь.
Благоприятны места, в которых доселе не был.
Оглядываюсь.
Эта вот
зализанная гладь –
это и есть хваленое небо?
Посмотрим, посмотрим!
Искрило,
сверкало,
блестело,
и
шорох шел –
облако
или
бестелые
тихо скользили.
«Если красавица в любви клянется...»
Здесь,
на небесной тверди
слышать музыку Верди?
В облаке скважина.
Заглядываю –
ангелы поют.
Важно живут ангелы.
Важно.
Один отделился
и так любезно
дремотную немоту расторг:
«Ну, как вам,
Владимир Владимирович,
нравится бездна?»
И я отвечаю так же любезно:
«Прелестная бездна.
Бездна – восторг!»
Раздражало вначале:
нет тебе
ни угла ни одного,
ни чаю,
ни к чаю газет.
Постепенно вживался небесам в уклад.
Выхожу с другими глазеть,
не пришло ли новых.
«А, и вы!»
Радостно обнял.
«Здравствуйте, Владимир Владимирович!»
«Здравствуйте, Абрам Васильевич!
Ну, как кончались?
Ничего?
Удобно ль?»
Хорошие шуточки, а?
Понравилось.
Стал стоять при въезде.
И если

знакомые
являлись, умирав,
сопровождал их,
показывая в рампе созвездий
величественную бутафорию миров.
Центральная станция всех явлений,
путаница штепселей, рычагов и ручек.
Вот сюда
– и миры застынут в лени –
вот сюда
– завертятся шибче и круче.
«Крутните, – просят, –
да так, чтоб вымер мир.
Что им?
Кровью поля поливать?»
Смеюсь горячности.
«Шут с ними!
Пусть поливают,
плевать!»
Главный склад всевозможных лучей.
Место выгоревшие звезды кидать.
Ветхий чертеж
– неизвестно чей –
первый неудавшийся проект кита.
Серьезно.
Занято.
Кто тучи чинит,
кто жар надбавляет солнцу в печи.
Всё в страшном порядке,
в покое,
в чине.
Никто не толкается.
Впрочем, и ничем.
Сперва ругались.
«Шатается без дела!»
Я для сердца,
а где у бестелых сердца?!
Предложил им:
«Хотите,
по облаку
телом
развалюсь
и буду всех созерцать».
«Нет, – говорят, – это нам не подходит!»
«Ну, не подходит – как знаете! Мое дело предложить».
Кузни времен вздыхают меха –
и новый
год
готов.
Отсюда
низвергается, громыхая,
страшный оползень годов.
Я счет не веду неделям.
Мы,
хранимые в рамах времен,
мы любовь на дни не делим,
не меняем любимых имен.
Стих.
Лучам луны на мели
слег,
волнение снами сморя.
Будто на пляже южном,
только еще онемелей,
и по мне,
насквозь излаская,
катятся вечности моря.
ВОЗВРАЩЕНИЕ МАЯКОВСКОГО
1, 2, 4, 8, 16, тысячи, миллионы.

Вставай,
довольно!
На солнце очи!
Доколе будешь распластан, нем?
Бурчу спросонок:
«Чего грохочут?
Кто смеет сердцем шуметь во мне?»
Утро,
вечер ли?
Ровен белесый свет небес.
Сколько их,
веков,
успело уйти,
в дребезги дней разбилось о даль...
Думаю,
глядя на млечные пути, –
не моя седая развеялась борода ль?
Звезды падают.
Стал глаза вести.
Ишь,
туда,
на землю, быстрая!
Проснулись в сердце забытые зависти,
а мозг
досужий
фантазию выстроил.
– Теперь
на земле,
должно быть, ново.
Пахучие вёсны развесили в селах.
Город каждый, должно быть, иллюминирован.
Поет семья краснощеких и веселых.
Тоска возникла.
Резче и резче.
Царственно туча встает,
дальнее вспыхнет облако,
все мне мерещится
близость
какого-то земного облика.
Напрягся,
ищу
меж другими точками
землю.
Вот она!
Въелся.
Моря различаю,
горы в орлином клёкоте...
Рядом отец.
Такой же.
Только на ухо больше туг,
да поистерся
немного
на локте
форменный лесничего сюртук.
Раздражает.
Тоже
уоставился наземь.
Какая старому мысль ясна?
Тихо говорит:
«На Кавказе,
вероятно, весна».
Бестелое стадо,
ну и тоску ж оно
гонит!
Взбубнилась злоба апаша.
Папаша,
мне скушно!
Мне скушно, папаша!

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Глупых поэтов небом мánите,
вырядились
звезд ордена!
Солнце!
Чего расплескалось мантией?
Думаешь – кардинал?
Довольно лучи обсасывать в спячке.
За мной!
Все равно без ножек –
чего вам пачкать?!
И галош не понадобится в грязи земной.
Звезды!
Довольно
мученический плести
венки
земле!
Озакатили красным.
Кто там
крылами
к земле блестит?
Заря?
Стой!
По дороге как раз нам.
То перекинусь радугой,
то хвост завью кометою.
Чего пошел играть дугой?
Какую жуть в кайме таю?
Показываю
мирам
номера
невероятной скорости.
Дух
бездомный давно
полон дум о давних
днях.
Земных полушарий горсти
вижу –
лежат города в них.
Отдельные голоса различает ухо.
Взмахах в ста.
«Здравствуй, старуха!»
Поскользнулся в асфальте.
Встал.
То-то удивятся не ихней силище
путешественника неб.
Голоса:
«Смотрите,
должно быть, красильщик
с крыши.
Еще удачно!
Тяжелый хлеб».
И снова
толпа
в поводу у дела,
громоголосый катился день ее.
О, есть ли
глотка,
чтоб громче вгудела
– города громче –
в его гудение.
Кто схватит улиц рвущийся вымах!
Кто может распутать тоннелей подкопы!
Кто их остановит,
по воздуху
в дымах
аэропланами буравящих копоть?!
По скату экватора
из Чикаг

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskiyvladimir.ru

сквозь Тамбовы
катятся рубли.
Вытянув выи,
гонятся все,
тeлaми утpамбoвывая
горы,
моря,
мостовые.
Их тот же лысый
невидимый водит,
главный танцмейстер земного канкана.
То в виде идеи,
то чёрта вроде,
то богом сияет, за облако канув.
Тише, философы!
Я знаю –
не спорьте –
зачем источник жизни дарен им.
Затем, чтоб рвать,
затем, чтоб портить
дни листкам календарным.
Их жалеть!
А меня им жаль?
Сожрали бульвары,
сады,
предместья!
Антиквар?
Покажите!
Покупаю кинжал.
И сладко чувствовать,
что вот
пред местью я.
МАЯКОВСКИЙ – ВЕКАМ
Куда я,
зачем я?
Улицей сотой
мечусь
человечьим
разжужженным ульем.
Глаза пролетают оконные соты,
и тяжело,
и чуждо,
и мёрзко в июле им.
Витрины и окна тушит
город.
Устал и сник.
И только
туч выпотрашивает туши
кровавый закат-мясник.
Слоняюсь.
Мост феерический.
Влез.
И в страшном волненьи взираю с него я.
Стоял, вспоминаю.
Был этот блеск.
И это
тогда
называлось Невою.
Здесь город был.
Бессмысленный город,
выпутанный в дымы трубного леса.
В этом самом городе
скоро
ночи начнутся,
остекленелые,
белесые.
Июлю капут.
Обезночел загретый.

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Избрелся в шепот чего-то сквозного.
То видится крест лазаретной кареты,
то слышится выстрел.
Умолкнет –
и снова.
Я знаю,
такому, как я,
накалиться
недолго,
конечно,
но все-таки дико,
когда не фонарные тыщи,
а лица.
Где было подобие этого тика?
И вижу, над домом
по риску откоса
лучами идешь,
собираешь их в копны.
Тянусь,
но туманом ушла из-под носа.
И снова стою
онемелый и вкопанный.
Гуляк полуночных толпа раскололась,
почти что чувствую запах кожи,
почти что дыханье,
почти что ГОЛОС,
я думаю – призрак,
он взял, да и ожил.
Рванулась,
вышла из воздуха уз она.
Ей мало
– одна! –
раскинулась в шествие.
Ожившее сердце шарахнулось грузно.
Я снова земными мученьями узнаю.
Да здравствует
– снова! –
мое сумасшествие!
Фонари вот так же врезаны были
в середину улицы.
Дома похожи.
Вот так же,
из ниши,
головой кобылей
вылеп.
– Прохожий!
Это улица Жуковского?
Смотрит,
как смотрит дитя на скелет,
глаза вот такие,
старается мимо.
«Она – Маяковского тысячи лет:
он здесь застрелился у двери любимой».
Кто,
я застрелился?
Такое загнут!
Блестящую радость, сердце, вычекань!
Окно
лечу.
Небес привычка.
Высоко.
Глубже ввысь зашел
за этажем этаж.
Завесилась.
Смотрю за шелк –
все то же,
спальня та ж.
Сквозь тысячи лет прошла – и юна.

Лежишь,
волосá луною высиня.
Минута...
и то,
что было – луна,
Его оказалась голая лысина.
Нашел!
Теперь пускай поспят.
Рука,
кинжала жало стиснь!
Крадусь,
приглядываюсь –
и опять!
люблю
и вспять
иду в любви и в жалости.
Доброе утро!
Зажглось электричество.
Глаз два выката.
«Кто вы?» –
«Я Николаев
– инженер.
Это моя квартира.
А вы кто?
Чего пристаєте к моей жене?»
Чужая комната.
Утро дрогло.
Трясаясь уголками губ,
чужая женщина,
раздетая догола.
Бегу.
Растерзанной тенью,
большой,
косматый,
несусь по стене,
луной облитый.
Жильцы выбегают, запахивая халаты.
Гремлю о плиты.
Швейцара ударами в угол загнал.
«Из сорок второго
куда ее дели?» –
«Легенда есть:
к нему
из окна.
Вот так и валялись
тело на теле».
Куда теперь?
Куда глаза
глядят.
Поля?
Пускай поля!
Траля-ля, дзин-дза,
тра-ля-ля, дзин-дза,
тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля!
Петлей на шею луч накинь!
Сплетусь в палящем лете я!
Гремят на мне
наручники,
любви тысячелетия...
Погибнет все.
Сойдет на нет.
И тот,
кто жизнью движет,
последний луч
над тьмой планет
из солнц последних выжжет.
И только
боль моя

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

острей –
стою,
огнем обвит,
на несгорающем костре
немыслимой любви.
ПОСЛЕДНЕЕ
Ширь,
бездомного
снова
лоном твоим прими!
Небо какое теперь?
Звезде какой?
Тысячью церковей
подо мной
затянул
и тянет мир:
«Со святыми упокой!»
[1916–1917]
Комментарии
Поэма впервые опубликована отдельным изданием в изд. «Асис», [Пг]., 1918, вышла в Москве.

В конце января 1918 года Маяковский читал поэму на квартире поэта А. Амари, где состоялась своеобразная встреча поэтов двух поколений. «Едва кончил Маяковский, с места встал побледневший от переживаемого А. Белый и заявил, что он даже представить себе не мог, что в России в это время могла быть написана поэма столь могучая по глубине замысла и выполнению, что вещь этой двинута на громадную дистанцию вся мировая литература... После окончания этого сплошного дифирамба слушавшие инстинктивно обратились с аплодисментами не к оратору, а к Маяковскому. Встал маститый К. Д. Бальмонт... Начал читать сонет. И в этом сонете, сквозь дружескую и отеческую похвалу, звучала горечь признания в сдаче позиции и отступления на второй план» («Дальневосточное обозрение». Владивосток, 1919, 29 июня). В феврале 1918 года Маяковский читал поэму в Политехническом музее в Москве.

Поэма «Человек» завершает дооктябрьский период творчества Маяковского. В этом произведении наиболее полно воплотилось представление Маяковского о месте человека в жизни. Герой поэмы – Человек – наделен замечательными возможностями, это действительно «венец создания». В фантастической, условной по форме поэме Маяковский создает глубокие художественные образы, обобщающие самую суть капиталистического мира.

Романтическая широта охвата мира сочетается в поэме с конкретными чертами реалистического, критического подхода к действительности.

В небе моего Вифлеема никаких не горело знаков... – В Вифлееме, по евангельскому преданию, родился Иисус Христос. В момент его рождения над ним загорелась звезда – небесное знамение.

Мекка – место паломничества мусульман.

Брэм, Альфред (1829–1884) – немецкий зоолог.

Локк, Вильям (1863–1930) – английский писатель, автор сентиментальных, развлекательных романов.

«Солнце встает над ковылями». – Маяковский пародирует основные мотивы хрестоматийных стихов.

Абрам Васильевич – А. В. Евнин, знакомый Маяковского.

Человек. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Папаша, мне скушно! Мне скушно, папаша! – Перефразируя строки из стихотворения И. Северянина «Тиана», Маяковский издевается над салонно-мещанской тематикой его произведений.

...голова кобылей вылеп. – На улице Жуковского в Петрограде в стене одного дома была ниша, и в ней – лепная голова лошади.

В. Макаров.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskyyvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!